

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Тенрич
СЕНКЕВИЧ

Како грядеши

Роман

Москва

2017

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44
С31

Henryk Sienkiewicz

QUO VADIS

Перевод с польского *Е. Лысенко*

Серия «Зарубежная классика»

Дизайн серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы репродукции работ художников *Габриэля Макса* и *Томаса Коула*

Серия «Всемирная литература»

Оформление *Н. Ярусовой*

Сенкевич, Генрик.

С31 Камо грядеши / Генрик Сенкевич ; [пер. с пол. Е. М. Лысенко]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с.

ISBN 978-5-699-99435-9 (Зарубежная классика)

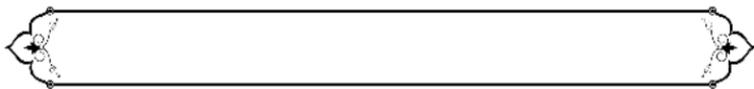
ISBN 978-5-699-99436-6 (Всемирная классика)

«Камо грядеши» — один из лучших исторических романов известного польского писателя Генрика Сенкевича. Действие романа развивается на протяжении четырех последних лет правления Нерона, открывая перед читателем драматическую страницу римской и мировой истории.

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-699-99435-9
ISBN 978-5-699-99436-6

© Лысенко Е. Перевод на русский язык.
Наследники, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА I

Петроний пробудился лишь около полудня, и, как обычно, с ощущением сильной усталости. Накануне он был у Нерона на пиру, затянувшемся до глубокой ночи. Здоровье его в последнее время стало сдавать. Он сам говорил, что просыпается по утрам с какой-то одеревенелостью в теле и неспособностью сосредоточиться. Однако утренняя ванна и растирание, которое усердно проделывали хорошо вышколенные рабы, оживляли движение медлительной крови, возбуждали, бодрили, возвращали силы, и из элеотезия, последнего отделения бань, он выходил будто воскресший — глаза сверкали остроумием и весельем, он снова был молод, полон жизни и так неподражаемо изыскан, что сам Отон не мог бы с ним сравниться, — истинный *arbiter elegantiarum*¹, как называли Петрония.

В общественных банях он бывал редко: разве что появится какой-нибудь вызывающий восхищение ритор, о котором идет молва в городе, или когда в эфебиях происходили особенно интересные состязания. В усадьбе у Петрония были свои бани, которые Целер, знаменитый сотоварищ Севера, расширил, перестроил и украсил с необычайным вкусом, — сам Нерон признавал, что они превосходят императорские бани, хотя императорские были просторнее и отличались несравненно большей роскошью.

¹ Арбитр изящества (*лат.*).

И после этого пира — на котором он, когда всем наскучило шутовство Ватиния, затеял вместе с Нероном, Луканом и Сенеционом спор, есть ли у женщины душа, — Петроний встал поздно и по обыкновению принял ванну. Два могучих бальнеатора уложили его на покрытый белоснежным египетским виссоном кипарисовый стол и руками, умащенными душистым маслом, принялись растирать его стройное тело — а он, закрыв глаза, ждал, когда тепло лаконика и тепло их рук сообщится ему и прогонит усталость.

Но через некоторое время Петроний заговорил — открыв глаза, спросил о погоде, потом о геммах, которые обещал прислать ему к этому дню ювелир Идомен для осмотра... Выяснилось, что погода стоит хорошая, с небольшим ветерком со стороны Альбанских гор и что геммы не доставлены; Петроний опять закрыл глаза и приказал перенести его в тепидарий, но тут из-за завесы выглянул номенклатор и сообщил, что молодой Марк Виниций, недавно возвратившийся из Малой Азии, пришел навестить Петрония.

Петроний распорядился провести гостя в тепидарий, куда перешел сам. Виниций был сыном его старшей сестры, которая когда-то вышла замуж за Марка Виниция, консула при Тиберии. Молодой Марк служил под началом Корбулона в войне против парфян и теперь, когда война закончилась, вернулся в город. Петроний питал к нему слабость, даже привязанность, — Марк был красивый юноша атлетического сложения, к тому же он умел соблюдать в разврате некую эстетическую меру, что Петроний ценил превыше всего.

— Приветствую тебя, Петроний! — воскликнул молодой человек, пружинистой походкой входя в тепидарий. — Пусть даруют тебе удачу все боги, особенно же Асклепий и Киприда, — ведь под их двойным покровительством тебе не грозит никакое зло.

— Добро пожаловать в Рим, и пусть отдых после войны будет для тебя сладостен, — ответил Петроний, протягивая руку меж складок мягкого полотна, которым его

обернули. — Что слышно в Армении и не случилось ли тебе, будучи в Азии, заглянуть в Вифинию?

Петроний когда-то был наместником Вифинии и управлял ею деятельно и справедливо. Это могло показаться невероятным при характере этого человека, известного своей изнеженностью и страстью к роскоши, — потому он и любил вспоминать те времена как доказательство того, чем он мог и сумел бы стать, если б ему заблагорассудилось.

— Мне довелось побывать в Гераклее, — сказал Виниций. — Послал меня туда Корбулон с приказом собрать подкрепления.

— Ах, Гераклея! Знавал я там одну девушку из Колхиды, за которую отдал бы всех здешних разведенных жен, не исключая Пoppей. Но это давняя история. Лучше скажи, как дела там, у парфян. Право, наскучило уж слушать обо всех этих Вологезах, Тиридатах, Тиграхах, об этих дикарях, которые, как говорит юный Арулен, у себя дома еще ходят на четвереньках и только перед нами притворяются людьми. Но теперь в Риме много о них говорят — верно, потому, что о чем-нибудь другом говорить опасно.

— В той войне дела наши были плохи, и, когда бы не Корбулон, мы могли потерпеть поражение.

— Корбулон! Клянусь Вакхом! Да, он истинный бог войны, настоящий Марс, великий полководец, но вместе с тем запальчив, честен и глуп. Мне он симпатичен, хотя бы потому, что Нерон его боится...

— Корбулон отнюдь не глуп.

— Возможно, ты прав, а впрочем, это не имеет значения. Глупость, как говорит Пиррон, ничуть не хуже мудрости и ничем от нее не отличается.

Виниций начал рассказывать о войне, но, когда Петроний прикрыл глаза, молодой человек, глядя на его утомленное и слегка осунувшееся лицо, сменил тему разговора и стал заботливо расспрашивать о здоровье.

Петроний опять открыл глаза.

Здоровье!.. Нет, он не чувствует себя здоровым. Конечно, он еще не дошел до того, до чего дошел молодой

Сисенна, который настолько отупел, что, когда его по утрам приносят в бани, он спрашивает: «Это я сижу?» И все же он нездоров. Виниций поручил его покровительству Асклепия и Киприды. Но он в Асклепия не верит. Неизвестно даже, чьим сыном был Асклепий — Арсиной или Корониды, — а если нельзя с уверенностью назвать мать, что уж говорить об отце! Кто ныне может поручиться, что знает даже собственного отца!

Тут Петроний рассмеялся, потом продолжал:

— Правда, два года тому назад я послал в Эпидавр три дюжины живых серых дроздов и чашу золотых монет, но знаешь почему? Я себе сказал так: поможет или нет — неизвестно, но не повредит. Если люди еще приносят жертвы богам, все они, думаю, рассуждают так, как я. Все! За исключением, может быть, погонщиков мулов, которые предлагают свои услуги путникам у Капенских ворот. Кроме Асклепия, пришлось мне также иметь дело с его служителями — асклепиадами, когда в прошлом году у меня была болезнь мочевого пузыря. За меня тогда они совершали инкубацию. Я-то знал, что они обманщики, но тоже сказал себе: чем это мне повредит! Мир стоит на обмане, и вся жизнь — мираж. Душа — тоже мираж. Надо все же иметь достаточно ума, чтобы отличать миражи приятные от неприятных. Я приказываю в моем гипocaustерии топить кедровыми дровами, посыпанными амброй, ибо в жизни предпочитаю ароматы смраду. Что ж до Киприды, которой ты меня также поручил, я уже столько пользовался ее покровительством, что в правой ноге колотье началось. Впрочем, это богиня добрая! Полагаю, теперь и ты — раньше или позже — понесешь белых голубей на ее алтарь.

— Ты угадал, — молвил Виниций. — Стрелы парфян меня не тронули, зато ранила меня стрела Амура... и совсем неожиданно, в нескольких стадиях от ворот города.

— Клянусь белыми коленами Харит! Ты расскажешь мне об этом на досуге, — сказал Петроний.

— Я как раз пришел спросить у тебя совета, — возразил Марк.

Но в эту минуту явились эпиляторы и занялись Петро-
нием, а Марк, сбросив тунику, вошел в бассейн с теплой
водой — Петроний предложил ему искупаться.

— Ах, я и спрашивать не буду, пользуешься ли ты вза-
имностью, — сказал Петроний, глядя на юное, словно из-
ваянное из мрамора тело Виниция. — Видел бы тебя Ли-
сипп, ты был бы теперь украшением ворот Палатинского
дворца в образе статуи юного Геркулеса.

Молодой человек удовлетворенно улыбнулся и начал
окупаться в бассейне, обильно выплескивая теплую воду
на мозаику с изображением Геры, просящей Сон усыпить
Зевса. Петроний смотрел на него глазами художника.

Но когда Марк вышел из бассейна и отдал себя в рас-
поряжение эпиляторов, вошел лектор с висевшим у него
на животе бронзовым футляром, из которого торчали
свитки папируса.

— Хочешь послушать? — спросил Петроний.

— Если произведение твое, то с удовольствием! — от-
ветил Виниций. — Но если не твое, лучше побеседуем.
Поэты теперь ловят слушателей на каждом углу.

— Еще бы! Возле каждой базилики, возле терм, би-
блиотеки или книжной лавки нельзя пройти, чтобы не
встретить поэта, который жестикулирует, как обезьяна.
Агриппа, когда приехал сюда с Востока, принял их за
одержимых. Но такие нынче времена. Император пи-
шет стихи, и все подражают ему. Не дозволяется только
писать стихи лучше, чем император, и по этой причи-
не я слегка опасаясь за Лукана... Я-то пишу прозой —
правда, не щадя ни самого себя, ни других. А лектор
собирался нам читать «Завещание» бедняги Фабриция
Вейнтонна.

— Почему бедняги?

— Потому что ему приказали сыграть роль Одиссея
и не возвращаться к домашнему очагу до нового распо-
ряжения. Эта «одиссея» окажется для него куда менее
трудной, чем некогда для самого Одиссея, ибо его жена
не Пенелопа. Словом, я не должен тебе говорить, что
поступили глупо. Но у нас здесь ни о чем особенно не

задумываются. Книжонка довольно дрянная и скучная, ее начали с увлечением читать лишь тогда, когда автора изгнали. Теперь же вокруг только и слышно: «Скандал! Скандал!» Возможно, Вейнтон кое-что присочинил, но я-то знаю город, знаю наших отцов сенаторов и наших женщин и уверяю тебя, что все его выдумки меркнут перед действительностью. Ну, понятно, каждый в этой книге что-то ищет — себя со страхом, других с удовольствием. В книжной лавке Авирна сотня писцов переписывает ее под диктовку — успех обеспечен.

— Твои делишки там не описаны?

— Есть и они, но тут автор оплошал — на самом деле я и хуже, и не столь примитивен, как он меня изобразил. Видишь ли, мы тут давно утратили чувство того, что пристойно и что непристойно; мне самому уже кажется, что тут нет различия, хотя Сенека, Музоний и Тразея притворяются, будто его видят. Мне на это наплевать! Клянусь Геркулесом, я говорю, что думаю! Но я все же превосхожу их кое в чем, я знаю, что безобразно и что прекрасно, а этого, например, наш меднобородый поэт, возница, певец, танцор и актер не понимает.

— Все же мне жаль Фабриция! Он славный товарищ.

— Его погубила собственная его любовь. Все это подозревали, никто не знал точно, но он сам не мог сдержаться и по секрету разбалтывал всем. Историю с Руфином слышал?

— Нет.

— Тогда перейдем во фригидарий, охладимся немного, и я тебе все расскажу.

Они перешли во фригидарий, посреди которого бил фонтан розовой воды, распространяя аромат фиалок. Там, усевшись в устланных шелком нишах, они стали наслаждаться прохладой. Несколько минут оба молчали. Виниций задумчиво смотрел на бронзового фавна, который, неся на плече нимфу, пригнул ее голову и страстно прижимался губами к ее губам.

— Он поступает правильно, — сказал Марк. — Это лучшее, что есть в жизни.

— Пожалуй. Но ты, кроме этого, еще любишь войну, которая мне не по душе, — потому что в шатрах ногти портятся, трескаются и теряют розовый цвет. В общем, у каждого свои увлечения. Меднобородый любит пенье, особенно свое собственное, а старик Скавр — свою коринфскую вазу, которая ночью стоит у его ложа и которую он целует, когда ему не спится. Уже выцеловал на ее краях выемки. Скажи, а стихов ты не пишешь?

— Нет, я ни разу не сочинил полного гекзаметра.

— И на лютне не играешь и не поешь?

— Нет.

— А колесницей правишь?

— Когда-то участвовал в ристаниях в Антиохии, но неудачно.

— Тогда я за тебя спокоен. А к какой партии на ипподроме ты принадлежишь?

— К зеленым.

— Тогда я совершенно спокоен, тем более что, хотя состояние у тебя изрядное, ты все же не так богат, как Паллант или Сенека. У нас теперь, видишь ли, похвально писать стихи, петь в сопровождении лютни, декламировать и мчать в колеснице по цирку, но еще лучше, а главное, безопаснее, не писать стихов, не играть, не петь и не состязаться в гонках. А самое выгодное — уметь восхищаться, когда все это делает Меднобородый. Ты красивый юноша — стало быть, тебе может угрожать разве лишь то, что в тебя влюбится Поппея. Но для этого она чересчур опытна. Любовью она досыта насладилась при первых двух мужьях, а при третьем ей нужно кое-что другое. Ты знаешь, этот дурак Отон до сих пор любит ее безумно. Бродит там по испанским скалам и вздыхает — он настолько утратил прежние свои привычки и так перестал следить за собой, что на завивку волос ему теперь хватает трех часов в день. Кто бы мог этого ожидать от нашего Отона?

— Я его понимаю, — возразил Виниций. — Но я на его месте поступал бы иначе.

— А именно?

— Я бы создавал преданные мне легионы из тамошних горцев. Иберы — храбрые воины.

— Виниций, Виниций! Мне так и хочется сказать, что ты не был бы на это способен. И знаешь почему? Такие вещи, конечно, делают, но о них не говорят, даже в условной форме. Что до меня, я бы на его месте смеялся над Поппеей, смеялся над Меднобородым и сколачивал бы себе легионы — но не из иберов, а из ибериек. Ну, самое большее, писал бы эпиграммы, которых, впрочем, никому бы не читал, в отличие от бедняги Руфина.

— Ты хотел рассказать его историю.

— Расскажу в унктории.

Но в унктории внимание Виниция привлекли красивые рабыни, ожидавшие там купающихся. Две из них, негритянки, походившие на великолепные эбеновые статуи, принялись умащать тела господ тончайшими аравийскими благовонными маслами, другие, фригиянки, искусные причесывальщицы, держали в нежных и гибких, как змеи, руках шлифованные стальные зеркала и гребни, еще две, прелестные, как богини, девушки-гречанки с острова Коса, вестиплики, ждали минуты, когда надо будет живописно уложить складки тог на обоих мужчинах.

— Клянусь Зевсом Тучесобирателем! — сказал Марк Виниций. — Какой тут у тебя цветник!

— А я больше забочусь о качестве, чем о числе, — отвечал Петроний. — Вся моя фамилия¹ в Риме составляет не более четырехсот человек, и я полагаю, что разве только выскочкам требуется больше прислуги.

— Пожалуй, и у Меднобородого нет таких прекрасных тел, — сказал, раздувая ноздри, Виниций.

Петроний на это ответил с любезной небрежностью:

— Ты мой родственник, и я не такой черствый человек, как Басс, и не такой педант, как Авл Плавтий.

Виниций, однако, услышав последнее имя, забыл на миг о девушках с Коса и, быстро взглянув на Петрония, спросил:

¹ Домашние рабы назывались «фамилия». (Прим. авт.)

— Почему тебе вспомнился Авл Плавтий? Знаешь, подъезжая к городу, я сильно разбил себе руку и провел в его доме больше десяти дней. Когда со мной это случилось, Плавтий как раз проезжал по дороге, он увидел, что мне худо, и забрал меня к себе; там его раб, лекарь Мерион, вылечил меня. Именно об этом я и хотел с тобой поговорить.

— Чего это вдруг? Не влюбился ли ты случайно в Помпонию? Тогда мне тебя жаль: она немолода и добродетельна! Худшего сочетания не могу себе представить. Бр-р!

— Не в Помпонию, увы! — ответил Виниций.

— Тогда в кого же?

— Если б я сам знал, в кого! Но я даже не знаю точно ее имени — Лигия или Каллина? В доме ее называют Лигией, потому что она из народа лигийцев, и у нее есть свое варварское имя: Каллина. Станный дом у этих Плавтиев! Народу много, а тишина, как в лесах Сублаквея. Более десяти дней я не знал, что там живет богиня. Но раз на заре я увидел, как она умывалась у фонтана в саду. И клянись тебе пеной, из которой родилась Афродита, что лучи зари пронизывали ее тело насквозь. Мне думалось, когда взойдет солнце, она растворится в его свете, как исчезает из глаз утренняя звезда. С той поры я ее видел еще два раза, и с той поры, поверь, я не знаю другого желания, мне не в радость все утехи города, я не хочу женщин, не хочу золота, не хочу коринфской бронзы, ни янтаря, ни жемчуга, ни вина, ни пиров, хочу только Лигию. Говорю тебе, Петроний, чистосердечно, я тоскую по ней, как тосковал Сон, изображенный на мозаике в твоём тепидарии, по Пасифее, тоскую днем и ночью.

— Если она рабыня — купи ее.

— Она не рабыня.

— Кто же она? Вольноотпущенница Плавтия?

— Она никогда не была невольницей и не могла быть отпущена на волю.

— Так кто же она?

— Сам не знаю — царская дочь или что-то в этом роде.

— Ты пробудил мое любопытство, Виниций.

— Но если тебе будет угодно меня выслушать, я его быстро удовлетворю. История не слишком длинная. Ты, возможно, был знаком с Ваннием, царем свебов, — народ его изгнал, он долго жил в Риме и даже прославился удачливой игрой в кости и счастливой судьбой. Цезарь Друз вернул ему трон. По сути, Ванний был человеком твердым, вначале он правил неплохо и воевал успешно, но потом начал слишком ретиво грабить не только соседей, но и своих свебов. Тогда Вангион и Сидон, два его племянника, сыновья его сестры и Вибилия, царя гермундуров, решили вынудить его опять отправиться в Рим... искать счастье в игре.

— А, помню, это было при Клавдии, совсем недавно.

— Вот-вот. Началась война. Ванний призвал на помощь язигов, а его любезные племяннички — лигийцев, которые, прослышав о богатствах Ванния и надеясь на жирную добычу, явились с такими полчищами, что сам император Клавдий встревожился. Вмешиваться в войну варваров Клавдий не хотел, но все же написал Ателию Гистру, командовавшему придунайским легионом, чтобы тот внимательно следил за ходом войны и не позволил нарушить наш покой.

Гистр потребовал от лигийцев обещания не переходить границу, на что они не только согласились, но еще дали заложников, среди которых были жена и дочь их вождя. Ты же знаешь, варвары отправляются на войну с женами и детьми. Так что моя Лигия — дочь того вождя.

— Откуда ты все это знаешь?

— Мне рассказал сам Авл Плавтий. Лигийцы тогда действительно границу почти не нарушали, но ведь варвары налетают, как буря, и, как буря, исчезают. Так исчезли и лигийцы с турьими рогами на головах. Свебов и язигов Ванния они разбили, но их царь погиб, и они ушли с добычей, а заложники остались во власти Гистра. Мать вскоре умерла, дочку Гистр, не зная, что с нею делать, отослал правителю всей Германии Помпонию. Закончив войну с хаттами, Помпоний возвратился в Рим,

где Клавдий, как тебе известно, разрешил ему триумфальные почести. Девушка шла за колесницей победителя, но, когда торжества кончились, Помпоний тоже не знал, что с нею делать, — ведь заложницу нельзя было считать пленницей, — и в конце концов отдал ее своей сестре, Помпонии Грецине, жене Плавтия. В этом доме, где все, начиная с господ и кончая птицей в курятнике, преисполнено добродетели, девушка выросла, увы, столь же добродетельной, как сама Грецина, и стала такой красавицей, что даже Поппея рядом с нею выглядела бы как осенняя фига рядом с яблоком Гесперид.

— Ну и дальше что?

— Повторяю тебе, с той минуты, что я увидел ее у фонтана, увидел, как лучи солнца пронизывают насквозь ее тело, я без памяти влюбился.

— Выходит, она прозрачна, как медуза или как маленькая сардинка?

— Не шути, Петроний, а если тебя ввело в заблуждение то, что я так свободно говорю о своем увлечении, знай, что под нарядным платьем часто скрываются глубокие раны. Еще должен тебе сказать, что по пути из Азии я провел одну ночь в храме Мопса, надеясь получить оракул. И вот во сне мне явился сам Мопс и изрек, что в моей жизни произойдет большая перемена вследствие любви.

— Слышал я, как Плиний говаривал, что не верит в богов, но верит в сны, и, возможно, он прав. Несмотря на все мои шутки, я и сам временами думаю, что существует лишь одно вечное, всемогущее, творящее божество — Венера Родительница. Она соединяет души, соединяет тела и предметы. Эрос вывел мир из хаоса. Хорошо ли он поступил, это другой вопрос, но, раз уж так случилось, мы должны признать его могущество, хотя можем и не благословлять его.

— Ах, Петроний, куда легче услышать философское рассуждение, чем добрый совет.

— Но скажи, чего ты, собственно, хочешь?

— Хочу получить Лигию. Хочу, чтобы вот эти мои руки, которые сейчас обнимают только воздух, могли